

ОСАДА КОЗЕЛЬСКА. Первоисточники

Историю эту довелось мне услышать из уст Льва Николаевича Гумилева, иллюстрировавшего ходячую сентенцию про «героическое сопротивление русского народа» сим рассказом, со ссылкой на его источник – на Николая Тимофеева-Ресовского, ученого из рязанских дворян, повествователя преданий родного края.

Близ именитого города Козельска во времена его детства стояло богатое (с престижными брачными партиями) село, звавшееся Поганкино. Но вплоть до его времени – до XX века козляне не женились на поганкинских девках, и замуж за тамошних парней козлянок не отдавали. Повелась эта вражда, еще с тех времен, когда татары семь недели (по монгольским источникам – два месяца) осаждали Козельск. В те дни мужики из этого села продавали татарам хлеб и конские корма, сохранив истощенной орде силы и боеспособность; откуда и название села: принадлежащего нехристям, врагам православных. Другое предание, толкуя этим же образом, объясняет наличие под Козельском деревни с именем Дешевка.

В источниках об этом не говорится ничего. Источники вообще крайне бедны, более того, они издаются микроскопическими тиражами. И, послушав б\студента-вечерника МГПИ А.А.Венедиктова, чему «учил» его и его однокурсников – кандидатов в военно-политическую академию, рассказывая об Александре Невском, его преподаватель В.Кобрин [«Эхо Москвы» 17.25 22.06.16] (ср.: <http://www.zrd.spb.ru/letter/2016/17-03-2016.pdf>), я решил это нудноватое чтиво – русские летописные статьи, здесь – рассказывающие о Козельском походе Батые, проанализировать и изложить. Дабы видны были слова древнерусских рассказчиков. Попутно обнаружится возраст и последовательность рассказов... Цитаты указываются с пагинацией по ПСРЛ серии 1997 г. (и далее), часть из них м.б. проверена по предыдущим изданиям (до 1917 г.), выложенным в Интернет.

Причину 2-месячной (по монголо-персидской историографии) остановки Батыевых туменов можно предположить: по взятии Рязани, Москвы, Суздаля, Владимира, Переславля, Торжка (уже осаждавшегося около 2 недель!), в лишенной нефтяных источников стране, должны были истощиться огнеметательные припасы. Штурмовать Козельск, так, как иные деревянные города, Батый уже не мог, должный таскать метательные камни от московских каменоломен или валуны из Новгородской земли (работа татарских баллист по Козельску показывается на миниатюрах Лицевой летописи Ивана Грозного). В марте - апреле, когда повседневные запасы мужиков (легкодоступные провиантским отрядам) истощились, а трава еще не поднялась, бескормица действительно была немалой угрозой. Исход зависел от запасов, укрывавшихся мужиками с осени в потайных ямах.

Козельск

• 25 марта 1237 г. Монголо-татары подошли к городу КОЗЕЛЬСКУ.

за 100 врьсть толико Новагорода не дошли, заступи бо его Богъ и святаа Богородица. Оттуда же поиде Батый и прииде къ городу Козельску, бѣ же въ Козельсцѣ князь младъ, именемъ Василій. Козляне же совѣтъ^о створиша не дати Батыеви, рекоша же къ себѣ: «аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свой за нь; здѣ славу свѣта сего приемше, и тамо небесныя вѣнца отъ Бога приимемъ.» Татаромъ же біующимся у града, прятти его хотящимъ, и разбивше стѣны градныя, и въздоша на валъ; Козляне же ту ножи рѣзахуся съ ними, и совѣтъ сотворивша^н, изыдоша изъ града противу имъ, на полкы ихъ нападше^р, изеѣкоша праща^с ихъ, и убиша отъ Татарь 4000, а сами избіени же быша. Батый же вземъ градъ Козелескъ и изби вся, не пощаде и до отротчать есущихъ млеко; а о князи Васильи невѣдомо есть, ииш глаголаху, яко въ крови утопулъ есть, понеже убо младъ бѣ. Отголѣ же въ Татарехъ не смѣяхуть назвать его^т градъ Козелескъ, но звахуть его градъ злый, понеже бяхуть билися у града того по 7 недѣль, и убиша отъ Татарь 3 сыны темничы, и искавше ихъ Татарове, и не обрѣтоша во множествеѣ трупия мертвыхъ. Батый же вземъ Козелескъ, и поиде въ землю Половецку^у.

В 1900 г., в работе «Симеоновская летопись XVI и Троицкая нач. XV века», А.А.Шахматов выявил на пространстве 1237 – 1239 гг. малоизвестной и сохранившейся в единственном списке 1540-х гг. Симеоновской летописи (далее СЛ), следы уникального текста, повествовавшего о монголо-татарском нашествии, причем несколько иначе, нежели это имеет место в сохранившихся, хрестоматийных летописях. Обнаруживая его сходство с рассказом из утраченной, лишь реконструируемой Троицкой летописи, он указал и несомненные расхождения его с Троицкой [с.532 дал.]. С тех пор это суждение, не развивавшееся и самим исследователем, какого-либо внимания в исторической литературе лишено.

Летописный рассказ об обороне Козельска в 1238 г., краткий и очень экспрессивный, сохранился в двух первичных редакциях и в нескольких вариантах их сокращения. Издается он обычно по Ипатьевскому списку (II\4 XV века) Ипатьевской летописи (ИЛ), как наиболее древнему. Он, однако, находится здесь в составе летописи 1291 года, из этого

ясно, сколь он далек от первоисточника. Варианты показывают, что в Ипатьевском списке текст сокращен, полней (и, видимо, точней) сохранившись в списке Хлебниковском (1560-х гг.), а также в Новгородской Карамзинской II летописи (НК2Л, единственный список 1490-х гг.). Здесь, а также в скопированной сей рассказ Новгородской IV летописи (Н4Л) и Новгородской летописи по списку Дубровского (НЛД), назван возраст 12-летнего кн.Василия, важный, ибо это позволяет понять, что он не был сыном Дмитрия Мстиславича Черниговского, погибшего на Калке (1222 г.).

Карамзинская летопись издана только в 2000-х гг., в частном издательстве (потому, не поступив в большинство библиотек), тиражом лишь 800 экз., нет ее и в И-нет. Воспроизводим её рассказ (в собственной орфографии), выделив то, чего нет в Ипатьевском, а сугубо – и в Хлебниковском списках: «Батью же пришедшу к Козельску, в немъ будущу князю младу Василью. Уведавше же нечестивии, яко умъ крепкодушень имеют людие в граде: словы лестными невозможно бе град прейти. Козляне же съвет сътвориша – не вдатися Батью, рекше: Аще князь нашъ млад есть, но положим живот свои за нь, и zde славу сего света въсприимше, и тамо небесныя венця отъ Христа-Бога приимемъ. Татаром же, бьющемся о град, приати хотящимъ, и разбившимъ стены града, въздоша на вал. Козляне же ножи резахуся съ ними, и изъшедше изъ града, изсекоша праща их, нападше на полкы татарскыя, и убиша от татаръ 4000, и саме же избъени быша. Батьи же взя град, и изби вся, и не пощаде оъ отрочят до съсуших млеко. А о князи Васильи неведомо есть, инии глаголаху, яко въ крови утонулъ есть, ПОНЕЖЕ УБО МЛАДЪ БЯШЕ (ТОЛИКО 12 ЛЕТ). Оттуду же въ Татарех не смеяхут его нареши градъ Козелескъ, но звахут и Град Злыи, понеже бишася по 7 недель, убиша бо от татар сыны темничы 3, татары же искавше и не могоша их изнайти и въ множестве труп мертвыхъ. Батьеви же, вземшу Козелескъ, и поиде въ землю Половецкую» [ПСРЛ, т. 42, с.115].

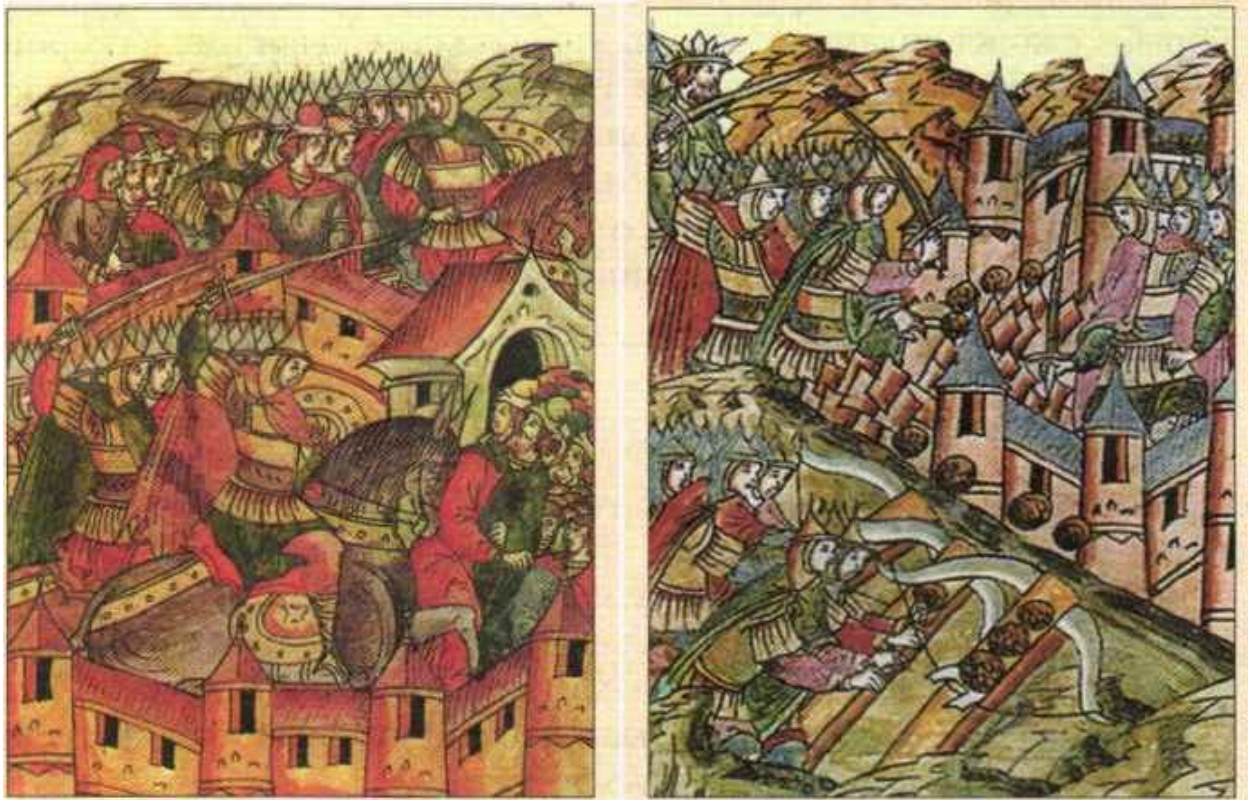

Н4Л, сохранившись в списках от 1460-х гг. (стар.редакция: Строевский и Новороссийский списки), писалась с более древнего списка НК2Л, нежели известный список последней. Ее рассказ местами ближе с Хлебниковским списком, напр.: «будушу в нём князю...» [там же, т. 4, с.221], «бьющимся о граде» [там же, с.222]. Так же пишется в новгородской летописи 1540 г. по списку 1590-х гг. Дубровского (НЛД) [там же, т. 43, с.92], – она тоже писалась по древнейшему, нежели ныне известная копия 1490-х гг., источнику (в ней, однако, пропущено слово «Бога») [там же]. Местами источник Н4Л включил особые чтения: «Да аще – рекше, – яко князь наш...» [там же, т. 4, с.222], «свои за него» [там же], – он был моложе источника НЛД.

Близко к Хлебниковскому списку, рассказ передается в Софийской I, Типографской, Московской, Воскресенской летописях (С1Л, ТЛ, МЛ, ВЛ). Но в нём видна несообразность. Христианская риторика назидает «славу сего света оставить, а небесные венцы принять». Такой призыв стоит на предыдущих страницах ИЛ, в повествовании о разгроме Батием Владимира Залесского, очевидным образом, выстраиваясь литератором в параллели: «Батыеви же стоящу у града, борюшуся крепко о градъ, молвящимъ имъ льстью, гражаномъ: Где суть князи Рязаньстии, вашъ градъ и князь вашъ великий Юрьи? Не рука ли наша емши и, смерти преда<в>? И услышавъ о семъ преподобный Митрофанъ-епископъ, начатъ глаголати со слезами ко всемъ: Чада! Не убоимся, – о, прельщныя от нечестивыхъ! – но примемъ си во умъ тленьяго сего и скороминующаго житья, но оноу (о ином?) нескороминующемъ житьи попечемся, еже со ангелы житье. Аще и град нашъ пленше копиемъ (штурмом) возьмутъ, и смерти ны предадутъ, азъ о томъ, чада, поручьникъ есмь, яко венца нетленьнаа отъ Христа-Бога примете!» [там же, т. 2, с.с. 779-780]. Дальше идет рассказ о бесславной капитуляции сыновей Юрия Всеволодовича Владимирского и гибели затворившихся в соборной Успенской церкви еп.Митрофана и княгинь.

Отметим, что рассказ ИЛ (и Густынской летописи) о падении Владимира-на-Клязьме нигде другими летописцами не копировался – ими признавалась его неисторичность, художественная принадлежность.

Порчу древнерусского текста повести о Козельске в ИЛ и НК2Л признавали редакторы позднейших хроник, и в Ермолинской, Уваровской, Никоновской, Львовской, Тверской летописях мы находим лишь пересказы, с сокращением спорной фразы. Ермолинская в списке 1480-х (и Уваровская 1530-х) годов: «Безбожнии же татары, шедъ, взяша Торжекъ марта 5, на средохрестноя недели, вся люди изсекоша, а за прочими людьми погнашася отъ Торжку Серегерским путемъ до Игнача креста, секуще люди, яко же траву, толко не дошедъ за сто верстъ до Новагорода, еже уже бысть в лето 6746. И оттуду иде г Козелску Батый. Бе же в немъ князь младъ, именовъ Василий. Они же сами граждане советъ створше, яко не датися поганымъ, но и главы своа положити за крестьяньскую веру. Татаря же пороки стену выбиша, и на заваль <Уваровская: валь> взидоша, и ту бысть брань велика. Яко ножи ту съ ними резахуся, а инии, шедъ враты, изшедше на полки ихъ, много их биша, яко до 4-х (тысяч) ту изгибе ихъ. И, тако вземъ, градъ <вз>я, изби до отрочати, а про князя ихъ вести не бе, глаголаху бо, яко въ крове утопе. И потомъ оттоле Батый не веле звати Козелскомъ, но Злымъ Городомъ: убиша ту 3 сыны темничы, их же не обретоша въ множестве мертвыхъ. Батый же оттуду иде в землю Половецкую» [там же, т. 23, с.76].

Из фразы «на заваль взидоша» мы обнаруживаем еще одну особенность списка НК2Л, бывшего источником Н4Л: в Строевском списке (и части млад.списков) стоит «взыдоша на поваль» (в Новороссийском списке: «волок») [там же, т. 4, с.222]. Очевидно, древний список Н4Л не отличался исправностью, и данное место было плохо читаемым; с него делалась редакция Л72Я (по протографу Ермолинского списка), столкнувшись с этой же трудностью.

Понять, как строился древнейший первоисточник, позволяет рассказ, включенный в рязанскую СЛ, согласно А.Г.Кузьмину, сведенную в 1495 году: «Оттуда поиде Батый назадъ въ Рязань, и прииде къ городу Козельску. Бе же в Козельске тогда князь младъ имянемъ Василеи. Козляне же советъ сътвориша не вдатися Батьеве, рекоша же к собе: Аще князь наш младъ есть, но положимъ главы своя за него, и не пощадимъ живота своего, zde славу света сего оставимъ и тамо небесныя венца отъ Христа-Бога приимемъ. Татаромъ же, бьющимся у града, и взятии его хотяща, и розбивше стены громадныя, и взыдоша на валь. Козляне же ту ножи резахуся с ними. И, съветъ сътворивше, изыдоша изъ града противу имъ, и на полки ихъ нападшее, изсекоша праща ихъ и убиша отъ Татаръ 4000, а сами избъены же быша. Батый же вземъ градъ Козельскъ, и изби вся, и не пощаде и до отрочятъ, ссушихъ млеко. А о князи Василии неведомо есть, инии глаголаху, яко въ крове утонулъ есть, понеже убо младъ бе. Оттоле же Татарехъ не смеаху назвати его градъ Козелескъ, но звахуть его Злыи градъ, понеже бо билися по семь недель у града того. И убиша от Татаръ три сыны темничы, великихъ князеи, и искавшее ихъ Татарове, и не обретоше ся въ множестве трупиа мертвого. Батый же вземъ Козелескъ и поиде въ землю Половецкую» [там же, т. 18, с.с. 58-59].

Здесь было утрачено известие о возрасте Василия, и так же, как в НК2Л и ИЛ, было разрушено 5-ударное хорейное двустипение:

*Аще князь нашъ младъ есть,
Но положимъ главы своя за него...*

Таким образом, можно говорить о двух редакциях антитатарского первоисточника, возникших независимо и достаточно рано: рязанской и новгородской (использовавшейся также в Галицко-Волынской земле, а у борцы с «бандеровщиной»!). Они возникли, когда падение полугласных и перестройка акцентирования (смена тонального ударения силовым) в древнерусском языке разрушали методу стихосложения, по которой писались сочинения старше XIV века [см.: И.А.Лобакова «Проблема соотношения старших редакций...», ТОДРЛ, т. 46]. Что указание возраста Козельского княжича действительно стояло в первоисточнике, нас убеждает «Русский Временник» (РВ). В этом хронографе повесть о Козельске лишь кратко пересказана, по источнику, типа Никоновской летописи. Но в него внесен возраст княжича, причем ошибочно – независимо от НК2Л, он назван четырехлетним [«Русский Временник», 1790, т. 1, с.111]. Буквенное кириллическое двенадцать [вi] сложно спутать с четверкой [д]; вероятно, хронист из Твери (в предшествовавший рассказ

вставлено повторное известие о взятии Твери, сделанное с временной привязкой, относя его отходу от Новгорода, позже 05 марта: нигде более в летописях не детализируемое) назвал возраст по памяти, зная о наличии его в первоисточнике.

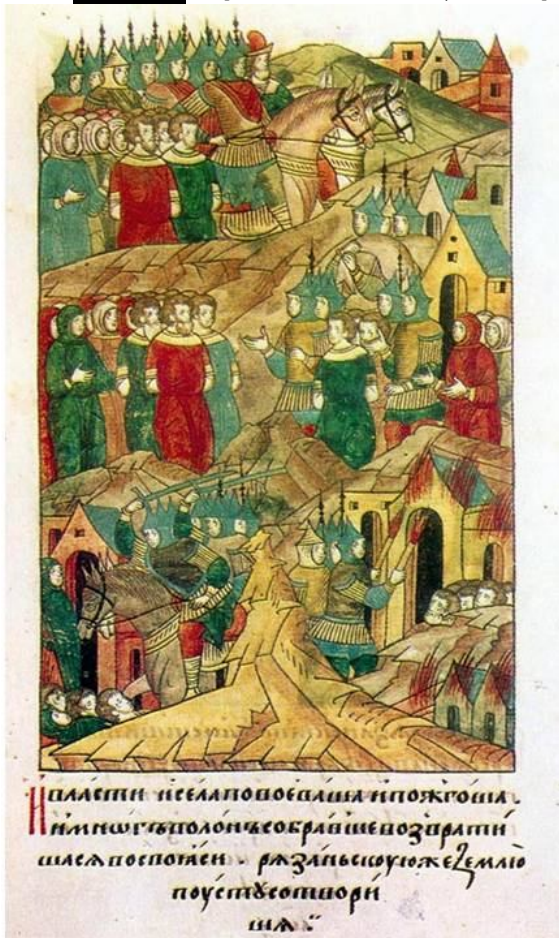
Уверенность в старшинстве СЛ наступает не сразу: предшествовавший рассказ о взятии Владимира ею передан не по ИЛ, а по Троицкой летописи. Но сравним реченье «бьющимся у града». В другой редакции стоит не очень гладкое «бьющем(ь)ся о град(е)». Русское у- в древности писалось как диграф оу-; думаю, потеря в ветхой рукописи крайнего значка строки родила форму «о град» в протографе ИЛ и НК2Л.

Убедиться в точности цитирования источника СЛ позволяет великий литературный памятник «Повесть о разорении Рязани», писанный аллитерированными стихами:

И поидоша против нечестиваго царя Батыя,
И сretoша его близ придел Рязанских,
<в РВ здесь отмечена лагуна>
И напadoша на нь <РВ: на поганых>,
И начата битися крепко и мужественно
И бысть сеча зла и ужасна... [ТОДРЛ, т. 7, с.290; РВ, т. 1, с.95].

Также:

И поидоша ко граду Рязани,
И обступиша градъ,
И начата битися неотступно пять дней.
Батыево, бо, войско пременишася,
А гражане не пременно бьяшеся... [там же: с.291, с.96].

Лист с миниатюрой из
Лицевого
(иллюстрированного)
летописного свода.

О взятии Рязани Батыем:

И власти и села
повоеваша и пожгоша.
И мног полон собраще
и возвратишася восвоися.
Рязаньскую же землю
пусту сотвориша

Здесь видно, какой фразе художественного текста подражал летописец, говоря с аллитерацией:

Изыдоша изъ града противу имъ,
И на полкы ихъ нападше...

В списках же ИЛ произошла прозаическая перестановка речений, разрушив ритм поэмы: «...изсекоша праща их, нападше на полкы татарскыя».

Рассмотрев редакцию СЛ, мы видим ошибку историков, утверждавших, будто «Повесть о разорении Рязани» создана поздно и лишена отражения в летописях XIII – XIV века (ИЛ, Н1Л, Лаврентьевская летопись)!

А в 1560-х годах ныне утраченная, открывающаяся нам лишь обрывками в нескольких летописных текстах, Козельская повесть (включавшая рассказ о разорении Владимира) будет процитирована в знаменитейшем повествовании «Сказание о Казанском царстве», в надменных речах ответа осажденных казанцев Ивану Грозному.

Сотрудник блгв.царя Ивана Васильевича – четвертьвековой мусульманский пленник и русский разведчик, трудясь в канцелярии Посольского приказа (ведавшего внешней разведкой и редактировавшего Лицевую летопись, знакомство с редакцией каковой, лично рукой Ивана Грозного, показывает Сказитель), знал эту повесть, внося цитаты из нее в наиболее патетические главы Сказания: «Не убоимся, храбрыя казанцы, страха и прещения силы руския, аки моря, бьющагося о камень волнами, и аки великаго леса, шумяща напрасно! Имуще град наш – тверд и велик, ему же стены высоки, и врата железа, и люди в нем удалы велми, и запас мног и доволен стати на 10 лет, во прекормление нам! И да не будем отметники добрыя веры нашея сарацынския, и не пощадим пролити крови своея, да ведомы не будем во плен, работати иноверным, на чюжу землю, христианом, по роду меншим нас и украдшим благословение...» [ПСРЛ, т. 19, с.147 (Буслаевский список)].